

Некоторые проблемы квалификации уголовно наказуемых массовых беспорядков

ЕЛЕНА БОРИСОВНА КУРГУЗКИНА

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, Воронеж, Россия, torbagan1@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1305-0740>

НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА ВЛАСОВА

Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Россия, itakan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3395-1796>

Реферат

Введение: статья посвящена отдельным спорным вопросам квалификации признаков уголовно наказуемых массовых беспорядков, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы. *Цель:* на основе анализа проблем применения некоторых квалифицирующих признаков массовых беспорядков разработать предложения по совершенствованию уголовного законодательства. *Методы:* сравнительно-правовой, структурно-логический, метод диалектического познания, индукции, дедукции, анализа, синтеза и др. *Результаты:* дается характеристика таких законодательных признаков массовых беспорядков, как использование оружия, оказание вооруженного сопротивления, организация массовых беспорядков, склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение массовых беспорядков и др. Исследованы спорные вопросы отдельных элементов состава уголовно наказуемых массовых беспорядков. *Выводы:* на основе исследования теоретических положений, норм уголовного закона и обширного эмпирического материала выработаны предложения по уточнению ст. 212 УК РФ. Предлагается авторское понятие использования оружия и оказания вооруженного сопротивления в ходе массовых беспорядков, определяется совокупность лиц, относящихся к представителям власти в рамках применения ст. 12 УК РФ, доказывается необходимость конкретизации граждан, участвующих в охране общественного порядка. Проводится анализ организации массовых беспорядков и подготовки организатора массовых беспорядков. Усматривается необходимость разграничения призывов к насилию над гражданами и призывов к массовым беспорядкам. Предлагается исключить признак насилия над гражданами из диспозиции ст. 212 УК РФ как избыточный.

Ключевые слова: массовые беспорядки; представитель власти; использование оружия; призывы к массовым беспорядкам; уголовно-исполнительная система; ФСИН России.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Кургузкина Е. Б., Власова Н. А. Некоторые проблемы квалификации уголовно наказуемых массовых беспорядков // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 4 (68). С. 376–384. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.004.

Original article

On Some Problems of Qualifying Criminally Punishable Mass Riots

ELENA B. KURGUZKINA

Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russia, torbagan1@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1305-0740>

© Кургузкина Е. Б., Власова Н. А., 2024

NATAL'YA A. VLASOVA

National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia, itakan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3395-1796>

Abstract

Introduction: the article is devoted to certain controversial issues of qualification of elements of criminally punishable mass riots committed in penitentiary institutions. *Purpose:* based on the analysis of the problems of applying some qualifying elements of mass riots, to develop proposals for improving criminal legislation. *Methods:* comparative-legal, structural-logical, method of dialectical cognition, induction, deduction, analysis, synthesis, etc. *Results:* the article has characterized legislative elements of mass riots, such as the use of weapons, provision of armed resistance, organization of mass riots, persuasion, recruitment or other involvement of a person in the commission of mass riots, etc. Controversial issues of individual elements of the composition of criminally punishable mass riots are studied. *Conclusion:* based on the study of theoretical provisions, norms of the criminal law and extensive empirical material, proposals are developed to clarify Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author's concept of the use of weapons and armed resistance during mass riots is proposed, the totality of persons belonging to government representatives within the framework of the application of Article 12 of the Criminal Code of the Russian Federation is determined, the need to specify citizens involved in the protection of public order is proved. The analysis of the organization of mass riots and the training of the organizer of mass riots is carried out. There is a need to distinguish between calls for violence against citizens and calls for mass riots. It is proposed to exclude an element of violence against citizens from the disposition of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation as redundant.

Keywords: mass riots; government representative; use of weapons; calls for mass riots; penal system; Federal Penitentiary Service of Russia.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kurguzkina E.B., Vlasova N.A. On some problems of qualifying criminally punishable mass riots. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 376–384. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.004.

Введение

Значительный уровень общественной опасности и достаточная распространенность массовых беспорядков, особенно в учреждениях ФСИН России, определяют насущность разработки и улучшения методов противодействия этим деяниям. Одной из центральных задач борьбы с массовыми беспорядками следует признать совершенствование уголовно-правовых мер противостояния данному преступному явлению.

Тяжесть таких уголовно наказуемых деяний существенно возрастает при их осуществлении в местах отбывания наказания. Подготовка самих беспорядков, вооруженность участников, обучение их организаторов и других участников, а также непосредственное руководство исследуемыми криминальными деяниями приводят к одновременному причинению вреда значительному числу объектов уголовно-правовой охраны.

Обсуждение

Одним из признаков уголовно наказуемых массовых беспорядков является применение оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих. Законодатель не уточняет, что следует понимать под их применением. Можно согласиться с А. М. Багметом в том, что использование оружия и иных перечисленных предметов и веществ в ходе массовых беспорядков должно влечь уголовную ответственность в случае посягательства на жизнь или здоровье граждан, а также на уничтожение или повреждение материальных объектов [1, с. 80]. Однако угрозу применения оружия и иных

общеопасных предметов в ходе массовых беспорядков вряд ли можно считать уголовно наказуемой, поскольку в диспозиции ч. 1 ст. 212 УК РФ в качестве квалифицирующего признака она не указана. Если в деянии содержатся составы незаконного изготовления, ношения, хранения оружия, то такие деяния квалифицируются отдельно. Возможно, следует включить угрозу применения оружия и других предметов, которые можно использовать в качестве оружия, в исследуемую норму. Но пока таких изменений нет, вменять указанную угрозу виновному в организации массовых беспорядков или участникам массовых беспорядков нельзя, поскольку аналогия права и аналогия закона в уголовном праве России недопустимы.

Уголовно наказуемым является применение любого оружия, огнестрельного и неогнестрельного, а также любых взрывчатых, отравляющих веществ, а также иных предметов, представляющих опасность для окружающих и используемых в качестве оружия (это могут быть камень, прут, палка, бутылка и т. п.).

На наш взгляд, ошибочно мнение С. К. Кудашкина о том, что под применением оружия и иных объектов при массовых беспорядках следует понимать и их демонстрацию, использование для устрашения и т. п. [2, с. 104]. Думается, что такие действия нельзя считать применением оружия. Это следует из анализа ст. 24 Федерального закона «Об оружии», в котором указано, что «применению оружия должно предшествовать четко выраженное предупреждение об этом лица, против которого применяется оружие, за исключением случаев, когда промедление в применении оружия создает непосредственную опасность

для жизни людей или может повлечь за собой иные тяжкие последствия. При этом применение оружия в состоянии необходимой обороны не должно причинить вред третьим лицам». Из этого вытекает, что применение законодателем определяется именно как использование его поражающих свойств.

Достаточно неопределенным является и такой признак массовых беспорядков, как оказание вооруженного сопротивления представителям власти. Подобные действия не требуют дополнительной квалификации по ст. 318 УК РФ. Причем вооружение, поскольку законодатель не конкретизирует, о каком оружии идет речь, в соответствии с Федеральным законом «Об оружии» может быть любое: огнестрельное, холодное, метательное, газовое. Однако в этой ситуации встает вопрос о таких предметах бытового назначения, как, например, топор, нож, шило и т. п. К холодному оружию они не относятся, и, вероятно, их применение требовало бы дополнительной квалификации, если бы в диспозиции не было такого квалифицирующего признака, как насилие. Следовательно, в таких случаях представляется излишней дополнительная квалификация деяния по ст. 318 УК РФ. Тем не менее существует позиция о необходимости такой дополнительной квалификации. При этом делается отсылка к п. 9 разъяснения Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» о том, что хулиганские действия, связанные с сопротивлением представителю власти, в ходе которого применено насилие, как неопасное, так и опасное для жизни и здоровья, надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 213 УК РФ и соответствующей частью ст. 318 УК РФ [3, с. 153].

Полагаем, что данная аналогия не совсем уместна, поскольку постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации не является нормативным правовым актом. Это комментарий высшего судебного органа страны, который относится к иному составу преступления. Дополнительная квалификация при применении простого насилия в ходе массовых беспорядков и неприменение дополнительной квалификации при вооруженном сопротивлении являются явно несоразмерными.

Требует осмысления и понятие «представитель власти» применительно к ст. 212 УК РФ. Дефиниция «представитель власти» содержится в примечании к ст. 318 УК РФ: «Представителем власти в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса признается должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости».

В некоторой степени этот вопрос разрешен Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2023 № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 317, 318, 319

УК РФ». В п. 2 перечислены органы, относящиеся к правоохранительным: «органы прокуратуры Российской Федерации, Следственный комитет Российской Федерации, органы внутренних дел Российской Федерации, Федеральная служба безопасности, Федеральная служба исполнения наказаний, таможенные органы Российской Федерации, органы принудительного исполнения Российской Федерации, органы государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы, Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации, военная полиция Вооруженных Сил Российской Федерации и другие государственные органы при осуществлении ими правоохранительной деятельности».

Однако в постановлении не разъясняется, кого же следует отнести к иным должностным лицам, наделенным в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости.

В п. 11 постановления указывается, что «должностными лицами контролирующих органов являются, например, должностные лица органов Федеральной налоговой службы, Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору, Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, наделенные в установленном законом порядке полномочиями по организации и (или) осуществлению указанного контроля (надзора) в соответствующих сферах деятельности в отношении неподведомственных им субъектов».

В соответствии с ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 22.03.1995 № 45 «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» к лицам правоохранительных и контролирующих органов, подлежащим защите, относятся: 1) судьи, арбитражные заседатели, присяжные заседатели; 2) прокуроры; 3) следователи; 4) лица, производящие дознание; 5) лица, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность; 6) сотрудники и федеральные государственные гражданские служащие органов внутренних дел Российской Федерации; 6.1) сотрудники и федеральные государственные гражданские служащие учреждений и органов уголовно-исполнительной системы; 6.3) военнослужащие, сотрудники и федеральные государственные гражданские служащие войск национальной гвардии Российской Федерации; 6.5) военнослужащие и федеральные государственные гражданские служащие Вооруженных Сил Российской Федерации; 6.6) сотрудники органов внешней разведки Российской Федерации; 6.7) сотрудники федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, военнослужащие спасательных воинских формирований и федеральные государственные гражданские служащие федерального органа исполнительной власти в области предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий; 7) сотрудники органов федеральной службы безопасности; 8.2) сотрудники Следственного комитета Российской Федерации; 9) сотрудни-

ки и федеральные государственные гражданские служащие органов принудительного исполнения Российской Федерации; 10) работники контрольных органов Президента Российской Федерации, осуществляющие контроль за исполнением законов и иных нормативных правовых актов, выявление и пресечение правонарушений; 11) сотрудники органов государственной охраны; 12) работники таможенных и налоговых органов, антимонопольных органов, федеральных органов государственного контроля, Федеральной службы по финансовому мониторингу, Счетной палаты Российской Федерации, а также иные категории государственных и муниципальных служащих по перечню, устанавливаемому Правительством Российской Федерации; 13) близкие лиц, перечисленных в пунктах 1–12 части первой настоящей статьи; 14) граждане Российской Федерации, уволенные со службы (работы) в органах внутренних дел Российской Федерации, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах федеральной службы безопасности, органах государственной охраны, в отношении которых осуществлялась государственная защита в соответствии с настоящим Федеральным законом при наличии сохраняющейся угрозы посягательства на жизнь, здоровье и имущество указанных лиц.

Исходя из указанного, все перечисленные лица могут быть отнесены к пострадавшим при вооруженном посягательстве на них в процессе массовых беспорядков или при оказании им сопротивления в ходе пресечения таких беспорядков.

Один из неразрешенных вопросов – следует ли считать представителем власти военнослужащего, выполняющего законную деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в ходе массовых беспорядков? Полагаем, что да, поскольку указанный выше Федеральный закон включает в число представителей власти и контролирующих органов военнослужащих, а также федеральных государственных гражданских служащих Вооруженных Сил Российской Федерации.

Однако анализ ст. 317 УК РФ указывает на то, что военнослужащий, осуществляющий охрану общественного порядка и безопасности, не входит в состав правоохранительных органов, выступая самостоятельно.

Вместе с тем из смысла практической деятельности военнослужащих по охране общественного порядка и общественной безопасности, в том числе и при массовых беспорядках, их следует относить к органам власти, однако в примечании к ст. 318 УК РФ они не упоминаются, поэтому посягательство на данных лиц в ходе массовых беспорядков, видимо, надо дополнительно квалифицировать по ст. 317, 318 УК РФ и т. д.

Думается, что эту противоречивую ситуацию следует устранить, внося изменение в примечание к ст. 318 УК РФ, указав в нем и военнослужащих, охраняющих правопорядок.

Также выделим проблему вооруженного сопротивления гражданам, участвующим в охране общественного порядка в ходе массовых беспорядков. Участие

в таких мероприятиях регламентируется Федеральным законом от 22.04.2014 № 44 «Об участии граждан в охране общественного порядка». Граждане имеют право участвовать в мероприятиях по охране общественного порядка по приглашению полиции и иных правоохранительных органов в качестве внештатных сотрудников полиции, народных дружинников, в составе общественных объединений правоохранительной направленности.

Все эти лица должны пользоваться дополнительной защитой, если в ходе массовых беспорядков в отношении них были применены деяния, указанные в ч. 1 ст. 212 УК РФ. Логика диспозиции ч. 1 ст. 212 УК РФ требует всех перечисленных лиц, участвующих в охране общественного порядка и обеспечении безопасности, защищать уголовно-правовыми мерами наравне с представителями власти в случае посягательства на них в ходе массовых беспорядков.

Организация массовых беспорядков может выражаться в планировании действий, составляющих уголовно наказуемые массовые беспорядки, подбор людей для участия в преступлении, распределение между ними обязанностей, приискание орудий и средств для его совершения, руководство действиями участников во время массовых беспорядков. Причем организаторы могут вовлекать участников в уже начавшиеся противоправные действия. Организатор может как заранее планировать и готовить массовые беспорядки, так и внезапно начать организовывать и руководить ими.

Так, приговором Верховного Суда Республики Хакасия в г. Абакане 5 сентября 2017 г. по ч. 1 ст. 212 УК РФ был осужден Т., организовавший совместно с другими лицами массовые беспорядки в учреждении уголовно-исполнительной системы, сопровождавшиеся погромами, поджогами, уничтожением имущества.

24 июля 2016 г. с 12 до 22 ч, находясь в помещении отряда ИК-35, Т. и лица № 1, № 2, стремясь обеспечить массовый характер планируемых ими беспорядков, встретились с осужденными – лицами № 3, 4, 5, 6, 7, 8, которым сообщили о своих преступных намерениях организовать на территории ИК-35 массовые беспорядки среди осужденных с целью нарушения (дестабилизации) установленного порядка отбывания наказания, оказания давления на руководство ИК-35 и УФСИН России для ослабления условий режима отбывания наказания, предложив принять участие в данных беспорядках в качестве их организаторов, на что они согласились, в результате чего вступили с Т., лицами № 1 и № 2 в предварительный сговор на совершение массовых беспорядков.

В целях воспрепятствования законным действиям сотрудников ИК-35 по блокированию массовых беспорядков Т. и лица № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 договорились сразу после их начала вывести из строя систему видеонаблюдения, забаррикадировать входы, выходы и оконные проемы жилых помещений, а также организовать совершение аналогичных действий осужденными отрядов № 2–4, о чем их должно было предупредить лицо № 5. После этого лица № 3, 4, 6, 7 должны были принять участие в переговорах с пред-

ставителями администрации ИК-35, УФСИН России, в ходе которых от имени осужденных, участвующих в массовых беспорядках, выдвинуть требования об ослаблении условий режима отбывания наказания. 24 июля 2016 г. около 22 ч 5 мин. подготовленные массовые беспорядки начались. При этом Т. путем погрома и поджога причинил исправительному учреждению имущественный ущерб на общую сумму 5069,80 руб. Кроме того, в указанный период времени Т. баррикадировал при помощи подручных средств (кровати, тумбочки, табуреты) оконные проемы, входы и выходы из отряда, а также руководил действиями других осужденных, участвовавших в массовых беспорядках, призывал баррикадировать окна и двери, давал указания следить из окон за сотрудниками УФСИН России, призывал к совершению массового самоубийства в случае попытки подавления их противоправных действий, для чего раздавал осужденным лезвия [4]. Указанные действия продолжались вплоть до 5 ч 30 мин 25 июня 2016 г., когда массовые беспорядки были пресечены. Таким образом, Т. заранее осуществил подготовку массовых беспорядков, в процессе их осуществления вносил коррективы в план и руководство.

Динамично развивающиеся массовые беспорядки могут выйти за пределы предполагаемых организатором действий участников. Деяния организатора могут служить пусковым механизмом к действию массы соучастников, которые в дальнейшем развиваются спонтанно. Однако за организацию массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием, уничтожением имущества, погромами и т. д., лицо, их организовавшее или руководившее ими, должно нести полную ответственность, поскольку его умысел был направлен на организацию массовых беспорядков.

В соответствии с ч. 1 ст. 212 УК РФ уголовной ответственности подлежит также и лицо, подготовившее организатора массовых беспорядков, сопровождавшихся указанными в законе действиями, а также лицо, подготовившее участников уголовно наказуемых массовых беспорядков.

Необходимо подчеркнуть, что как оконченные следует квалифицировать деяния организатора уже после того, как массовые беспорядки состоялись. В случае предотвращения правоохранительными или иными органами массовых беспорядков факт их организации либо подготовки организатора либо участника, в случае предупреждения, не может считаться оконченным составом преступления. Полагаем, что в подобной ситуации необходима квалификация этих деяний как приготовление к рассматриваемому составу.

Вызывает сомнение целесообразность введения законодателем в 2016 году ч. 1¹ ст. 212 УК РФ, так как склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием и другими деяниями, указанными в диспозиции ч. 1 ст. 212 УК РФ, представляют собой не что иное, как подстрекательство к совершению преступления (ч. 4 ст. 33 УК РФ). Поэтому в случае наличия подстрекательства к совершению массовых беспорядков деяние виновного следует квалифицировать

по ч. 4 ст. 33 и ч. 1 или 2 ст. 212 УК РФ. В связи с этим следует согласиться с мнением С. К. Кудашкина о необходимости исключения ч. 1¹ ст. 212 УК РФ [2, с. 104].

Место совершения массовых беспорядков может быть любым. Существует мнение о том, что в большинстве случаев это общественные места: парки, улицы, площади [9, с. 44]. С данным утверждением трудно согласиться, поскольку проведенное нами выборочное исследование приговоров приводит к выводу, что чаще всего массовые беспорядки происходят в местах лишения или ограничения свободы.

Например, 05.06.2019 приговором Кольского районного суда Мурманской области по ч. 2 ст. 212 УК РФ П. был осужден за то, что «он, отбывая наказание в виде лишения свободы, находясь на территории третьего локального участка Мурманского УФСИН России, решил принять активное участие в массовых беспорядках, проходивших на территории исправительного учреждения, выражая протест и общее недовольство порядком и условиями отбывания наказания. Преследуя личные интересы и противопоставляя их интересам общества и государства... непосредственно принял участие в массовых беспорядках, сопровождавшихся погромами и уничтожением имущества, а именно, П., разбив остекление окна... повредил в кабинете мебель и предметы, а также дверной блок с наличником, электрофурнитуру... чем привел помещение в состояние, непригодное для дальнейшего использования. Обломки поврежденного имущества выбрасывал на улицу через разбитое окно, где другие осужденные развели костер и сжигали поврежденное имущество. В результате умышленных преступных действий П... уничтожено и повреждено имущество, принадлежавшее Мурманскому УФСИН России... на общую сумму 12 531 рубль, а также была нарушена нормальная деятельность исправительного учреждения» [6].

Следует согласиться с тем, что «беспорядки и массовые акции осужденных в пенитенциарных учреждениях часто обусловлены организационно-управленческими недостатками, среди которых некомпетентность персонала или неэффективная организация условий и режима отбывания наказания» [7, с. 79]. К этому еще можно добавить, что сама по себе концентрация в одном месте лиц с криминальными наклонностями, зачастую настроенных негативно к требованиям дисциплины и режима, способствует криминальным взрывам в виде массовых беспорядков.

Квалифицируя участие в массовых беспорядках, необходимо всесторонне изучить конкретные деяния каждого участника преступления. Только присутствие в толпе еще не образует состава участия в уголовно наказуемых массовых беспорядках. Уголовная ответственность наступает лишь в отношении тех, кто совершил насилие, либо уничтожение имущества, либо поджог, либо участвовал в погроме, либо оказал вооруженное сопротивление представителю власти.

Уголовная ответственность по ч. 2 ст. 212 УК РФ за участие в массовых беспорядках, сопровождавшихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением оружия, взрывных

устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти, а равно за подготовку лица для организации массовых беспорядков или участия в них, наступает с 14-летнего возраста (ст. 20 УК РФ), а за все остальные составы, содержащиеся в ст. 212 УК РФ, – с 16 лет. Перечень составов преступлений, за которые наступает уголовная ответственность с 14 лет, определяются законодателем исходя из возможности осознания несовершеннолетним в данном возрасте общественной опасности, противоправности и наказуемости подобных массовых беспорядков. Думается, что в 14-летнем возрасте сложно определить само понятие уголовно наказуемых массовых беспорядков. Конструкция состава, предложенная законодателем, оставляет много вопросов. Иногда даже у специалистов нет единого мнения по многим квалифицирующим признакам в силу размытости законодательных формулировок и неоднозначности толкования норм. По-видимому, разобравшись в этом подростку еще сложнее. В этой связи считаем, что необходимо повысить возрастной порог и установить общий возраст уголовной ответственности за совершение массовых беспорядков с 16 лет, а с 14 лет привлекать к уголовной ответственности подростков только за совершение в ходе массовых беспорядков конкретных преступлений, указанных в ч. 2 ст. 20 УК РФ.

Субъективная сторона организации уголовно наказуемых массовых беспорядков представляет собой вину в форме умысла. Ряд правоведов считает, что умысел может быть в основном только прямым, хотя исследователями допускается и совершение указанных массовых беспорядков с косвенным умыслом. При совершении данных преступлений обязательным факультативным признаком выступает мотив, который реализуется путем стремления нарушить общественный порядок [8, с. 19; 4, с. 4].

Следует признать, что организация массовых беспорядков может осуществляться как с прямым, так и с косвенным умыслом, поскольку организатор далеко не всегда в состоянии предвидеть и контролировать все действия участников массовых беспорядков. Особенность массовых беспорядков в том и состоит, что после их начала участники нередко действуют спонтанно и какого-то четкого плана не придерживаются. Однако организатор все же должен нести ответственность за все деяния участников, поскольку в целом именно массовые беспорядки входили в его планы, поэтому вина организатора возможна как в форме прямого, так и косвенного умысла.

Позиция тех, кто считает, что организация массовых беспорядков может быть только с прямым умыслом, представляется неверной. Организатор не может заранее спланировать все последствия массовых беспорядков, но может предполагать их наступление или относиться к ним безразлично, что не умаляет его вины. Сама формулировка диспозиции ч. 1 ст. 212 УК РФ о массовых беспорядках, сопровождавшихся (не сопровождавшихся), говорит об оценке вины организатора после свершившихся событий, что как

раз и подчеркивает возможность косвенного умысла. Данные деяния не зря связываются с термином «беспорядок», что подчеркивает стихийное начало, толчок к которому и общее руководство которым осуществляет организатор.

Дополнительной квалификации в период массовых беспорядков требует совершение иных противоправных действий, не указанных в диспозиции ч. 1 ст. 212 УК РФ, например кражи. Вместе с тем трудно согласиться и с точкой зрения И. Ю. Коноваловой, что в деяния участников массовых беспорядков, сопряженных с насилием, не входят и требуют дополнительной квалификации убийства, изнасилования, разбоя, грабежи и т. п. [10, с. 240].

К сожалению, законодатель не конкретизировал, какие именно действия охватываются понятием «насилие», которое содержится в ч. 1 ст. 212 УК РФ, что дает основания произвольно считать любые насильственные действия либо включенными, либо не включенными в объективную сторону массовых беспорядков, что создает трудности при квалификации данного преступления. Полагаем, что соответствующие изменения необходимо внести в формулировку ч. 1 ст. 212 УК РФ. На наш взгляд, до внесения уточнений в закон для правильной квалификации деяния следует тщательно устанавливать субъективную сторону преступления: в случае осознания лицом, что насильственные действия он совершает в рамках участия в массовых беспорядках, преступление должно квалифицироваться только по соответствующей части ст. 212 УК РФ.

Однако если насильственные и иные преступления совершены в период массовых беспорядков, но не в связи с ними, такие преступления квалифицируются только по соответствующим составам без дополнительной квалификации по ст. 212 УК РФ.

В ч. 3 ст. 212 УК РФ предусматривается уголовная ответственность за призывы к массовым беспорядкам, сопровождавшимся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества и другими деяниями, перечисленными в ч. 1 ст. 212 УК РФ либо к участию в них. Призывы могут осуществляться в любой форме (устной, письменной, жестами) и должны подталкивать людей к совершению уголовно наказуемых массовых беспорядков. С точки зрения законодателя, ответственность за призывы должна наступать только после того, как массовые беспорядки, сопровождавшиеся перечисленными деяниями, будут совершены, что говорит об оконченном деянии. В связи с этим мы не можем согласиться с И. Ю. Коноваловой в том, что исследуемые призывы следует считать оконченными с момента осуществления таких обращений вне зависимости от того, удалось или не удалось побудить людей к совершению таких действий [10, с. 240].

Прослеживается дискуссионность мнений о моменте окончания подстрекательства. Не только в науке, но и в правоприменительной практике нет единого подхода. Так, например, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 01.02.2011 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности

уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» разъяснил, что преступления, ответственность за которые предусмотрена ст. 150 и 151 УК РФ, являются оконченными с момента совершения несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению, покушения на преступление или после совершения хотя бы одного из антиобщественных действий, предусмотренных диспозицией ч. 1 ст. 151 УК РФ.

Наряду с этим в Пленуме Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 230 УК РФ) может выражаться в любых умышленных действиях, в том числе однократного характера, направленных на возбуждение у другого лица желания их потребления (в уговорах, предложениях, даче совета и т. п.), а также в обмане, психическом или физическом насилии, ограничении свободы и других действиях, совершаемых с целью принуждения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов лицом, на которое оказывается воздействие. При этом для признания преступления оконченным не требуется, чтобы склоняемое лицо фактически употребило наркотическое средство, психотропное вещество или их аналог.

Таким образом, по ст. 150 и 151 УК РФ подстрекательство считается оконченным только после совершения либо начала совершения преступления, а по ст. 230 УК РФ для признания преступления оконченным достаточно только самого факта склонения в любом виде безотносительно к тому, начал ли склоняемый потреблять наркотические или иные средства.

Что касается призывов к совершению исследуемого состава преступления, полагаем, что нужно исходить из следующего. Фактически призывы представляют собой подстрекательство к совершению преступления, если другое лицо было склонено к такому путем уговоров, подкупа, угрозы или другим способом (ч. 4 ст. 33 УК РФ). Подстрекательство считается оконченным в момент получения согласия исполнителя или исполнителей, независимо от того, совершил ли подстрекаемый преступление или нет. Редакции же ч. 1, 3 ст. 212 УК РФ свидетельствуют, что в данном случае призывы будут являться уголовно наказуемыми лишь после того, как подстрекаемые совершили деяния, влекущие ответственность за массовые беспорядки.

В частности, Клиновский городской суд Брянской области 11.03.2015 осудил по ч. 2, ч. 3 ст. 212 УК РФ О., который, находясь в расположении отряда № ФКУ ИК-6 УФСИН России, действуя в составе группы лиц, совместно с осужденными отряда № 3, грубо нарушая общественный порядок и общественную безопасность, демонстрируя явное неуважение к обществу, в связи с недовольством к группе положительно зарекомендовавших себя осужденных, с целью участия в массовых беспорядках, разбивал стекла в окнах отряда № 3, ломал кровати и табуреты и выбра-

сывал мебель из оконных проемов отряда № 3. Кроме того, в ходе участия в массовых беспорядках О. с целью вовлечения к участию в массовых беспорядках иных осужденных, осознавая, что своими действиями совершает общественно опасное деяние, которое может парализовать нормальное функционирование и работу исправительного учреждения, обеспечивающего изоляцию осужденных от общества, и может нанести имущественный ущерб, из окна отряда № 3 громкими выкриками: «Дайте поддержку, поддержите нас!» призывал осужденных отрядов № 2, 5, 6, 8, 9, не принимавших участие в массовых беспорядках, к участию в них.

В ходе массовых беспорядков действиями О. совместно с иными лицами совершены погромы, в результате чего уничтожено, приведено в полную негодность имущество ФКУ ИК-6 УФСИН России на общую сумму 588 412 руб. 68 коп. [11].

Конкретизируя уголовную ответственность, когда речь идет о массовых беспорядках, сопровождавшихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти, законодатель использует причастие «сопровождавшихся», тем самым показывая, что квалифицировать любые деяния, с этим связанные, можно только после совершения этих деяний. Если бы законодатель употребил выражение «массовые беспорядки, сопровождающиеся...», то это означало бы, что определенные действия должны были осуществляться в момент призыва к ним. Однако установить, были ли они в действительности совершены определенными лицами, можно только после окончания деяния. Следовательно, и конкретная квалификация массовых беспорядков также возможна уже после их совершения.

Отдельно следует остановиться на предусмотренной ч. 3 ст. 212 УК РФ уголовной ответственности за призывы к насилию над гражданами. Данное положение не вписывается в общую схему ответственности за массовые беспорядки, поскольку они включают в себя деяния, уже сопровождавшиеся насилием, а призывы просто к насилию над гражданами вообще не имеют отношения к массовым беспорядкам и их нецелесообразно помещать в ст. 212 УК РФ. Если речь идет о призывах к любым насильственным действиям, в том числе и по отношению к гражданам в ходе массовых беспорядков, то это охватывается диспозицией ч. 3 ст. 212 УК РФ. Считаем, что призывы к насилию над гражданами необходимо исключить из диспозиции как избыточные и не относящиеся к данному составу преступления.

Часть 4 ст. 212 УК РФ предусматривает ответственность за прохождение лицом обучения, заведомо для него проводимого в целях организации массовых беспорядков либо участия в них. В диспозиции указанной нормы перечислены навыки и умения, приобретение которых заведомо в целях организации массовых беспорядков или участия в них влечет уголовную ответственность. Этот перечень не явля-

ется исчерпывающим. Приобретение иных навыков и умений, кроме перечисленных, в целях совершения массовых беспорядков также должно влечь уголовную ответственность. Определение иных навыков и умений относится к оценочным категориям и отдано на усмотрение правоприменителя.

Сравнительный анализ санкции ч. 4 ст. 212 УК РФ с иными санкциями указывает на некоторый диссонанс. Обнаруживается несоответствие принципу справедливости: наказание за прохождение обучения в виде лишения свободы – от 5 до 10 лет, за подстрекательство к массовым беспорядкам по ч. 1¹ ст. 212 УК РФ – от 5 до 10 лет, участие в уголовно наказуемых массовых беспорядках по ч. 2 ст. 212 УК РФ – от 3 до 8 лет.

Возможно, норму об обучении следует выделить в отдельную статью по аналогии со ст. 205³ УК РФ, так же как и ст. 205² УК РФ, определив их санкции корреляционно с деяниями по организации массовых беспорядков или участию в них.

Законодатель допускает компромисс в целях предотвращения прохождения лицом обучения заведомо для него в целях организации уголовно наказуемых массовых беспорядков или в целях участия в них. Примечание к ст. 212 УК РФ предусматривает освобождение от уголовной ответственности лиц, проходящих или проходивших такое обучение, если лицо сообщило органам власти о его прохождении и активно способствовало выявлению лиц, также проходивших обучение, финансирующих обучение, сообщило о местах обучения и иные, указанные в законе сведения. При выполнении обоих условий в совокупности лицо должно быть освобождено от уголовной ответственности.

Иными словами, лицо должно не только сообщить властям о прохождении им обучения, но и обязательно еще регламентированным в уголовном законодательстве образом активно способствовать выявлению лиц, так или иначе задействованных в исследуемом преступлении.

Результаты

Полагаем, что под применением оружия и иных используемых в таком качестве объектов при массовых беспорядках нельзя признавать их демонстрацию, использование для устрашения и т. п. Факт применения оружия в ходе массовых беспорядков следует вменять лишь в случае его использования по назначению.

Оказание вооруженного сопротивления представителям власти в ходе массовых беспорядков не требует дополнительной квалификации по ст. 318 УК РФ.

Внесены предложения по определению круга лиц, которых следует относить к представителям власти и к иным должностным лицам, наделенным в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, а также к гражданам, участвующим в охране общественного порядка, применительно к квалификации массовых беспорядков.

Исследован вопрос о моменте окончания преступления в виде организации массовых беспорядков. При этом предлагается считать таким моментом совершение организуемых массовых беспорядков.

Непосредственное участие в массовых беспорядках необходимо отличать от простого пассивного присутствия в месте совершения массовых беспорядков, не образующего состав исследуемого преступления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Багмет А. М. Криминология уголовного закона: проблемы правового регулирования массовых беспорядков как вида насильственной преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1. С. 76–84.
2. Кудашкин С. К. К вопросу об объективных признаках составов преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 212 УК РФ // Вестник Московского ун-та МВД России. 2019. № 3. С. 101–106.
3. Вдовиченко К. Г. Актуальные вопросы квалификации массовых беспорядков // Общество и право. 2014. № 4 (50). С. 153–155.
4. Приговор Верховного Суда Республики Хакасии № 2-5/2017 от 05.09.2017 по делу № 2-5/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oT7NsigCBnVh/> (дата обращения: 01.02.2024).
5. Павлов В. Г. Объективная сторона массовых беспорядков // Царскосельские чтения. 2014. XVIII. С. 41–44.
6. Приговор Кольского районного суда Мурманской области № 1-81/2019 от 05.06.2019 по делу № 1-81/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JSsfMF1IXs1h/> (дата обращения: 01.02.2024).
7. Кумышева М. К. К вопросу о массовости в уголовно-правовой характеристике массовых беспорядков // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 79–81.
8. Новиков А. В. Преступления против общественного порядка, сопряженные с посягательством на собственность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 25 с.
9. Векленко С. В., Якунин А. И. Особенности субъективной стороны массовых беспорядков // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 3. С. 4–11.
10. Коновалова И. Ю. Массовые беспорядки. Социально-психологические и уголовно-правовые аспекты // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. Т. 149, кн. 6. С. 238–241.
11. Приговор Клиновского городского суда Брянской области № 1-70/2015 от 11.03.2015 по делу № 1-70/2015. URL: <https://actofact.ru/case-32RS0015-1-70-2015-2015-02-16-2-0/> (дата обращения: 01.02.2024).

REFERENCES

1. Bagmet A.M. Criminal law criminology: problems of legal control of riots as a type of violent criminality. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2013, no. 1, pp. 76–84. (In Russ.).

2. Kudashkin S.K. On the issue of objective signs of corpus delicti for which responsibility is provided for by Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik Moskovskogo un-ta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 3, pp. 101–106. (In Russ.).
3. Vdovichenko K.G. Actual issues of qualification of mass riots. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2014, no. 4 (50), pp. 153–155. (In Russ.).
4. *Prigovor Verkhovnogo Suda Respubliki Khakasii No. 2-5/2017 ot 05.09.2017 po delu No. 2-5/2017* [Verdict of the Supreme Court of the Republic of Khakassia No. 2-5/2017 of September 5, 2017 in case No. 2-5/2017]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/oT7NsigCBnVH/> (accessed February 1, 2024).
5. Pavlov V.G. The objective side of mass riots. In: *Tsarskosel'skie chteniya* [Tsarskoye Selo readings]. 2014. No. 18. Pp. 41–44. (In Russ.).
6. *Prigovor Kol'skogo raionnogo suda Murmanskoi oblasti No. 1-81/2019 ot 05.06.2019 po delu No. 1-81/2019* [Verdict of the Kola District Court of the Murmansk region No. 1-81/2019 of June 05, 2019 in case No. 1-81/2019]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/JSsfMF1IXs1h/> (accessed February 1, 2024).
7. Kumysheva M.K. On the question of mass characterization in the criminal law characteristics of mass riots. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2018, no. 3, pp. 79–81. (In Russ.).
8. Novikov A.V. *Prestupleniya protiv obshchestvennogo poriadka, sopryazhennyye s posyagatel'stvom na sobstvennost': avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Crimes against public order involving encroachment on property: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Saratov, 2009. 25 p.
9. Veklenko S.V., Yakunin A.I. Features of the subjective side of mass riots. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2011, no. 3, pp. 4–11. (In Russ.).
10. Konovalova I.Yu. Mass riots. Socio-psychological and criminal-legal aspects. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Scientific Notes of Kazan State University. Series: Humanities*, 2007, vol. 149, no. 6, pp. 238–241. (In Russ.).
11. *Prigovor Klintsovskogo gorodskogo suda Bryanskoi oblasti No. 1- 70/2015 ot 11.03.2015 po delu No. 1-70/2015* [Verdict of the Klintsovsky City Court of the Bryansk region No. 1- 70/2015 of March 11, 2015 in case No. 1-70/2015]. Available at: <https://actofact.ru/case-32RS0015-1-70-2015-2015-02-16-2-0/> (accessed February 1, 2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЕЛЕНА БОРИСОВНА КУРГУЗКИНА – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, Воронеж, Россия, torbagan1@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1305-0740>

НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА ВЛАСОВА – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, Москва, Россия, itakan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3395-1796>

ELENA B. KURGUZKINA – Doctor of Sciences (Law), professor at the Department of Criminal Procedure Law of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russia, torbagan1@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1305-0740>

NATAL'YA A. VLASOVA – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia, itakan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3395-1796>

Статья поступила 15.06.2024